

Ольга Михайловна Фрейденберг
в науке, литературе, истории.
Материалы XXIII Лотмановских чтений

УДК 81-112

DOI: 10.28995/2073-6355-2018-3-7-15

Р. Мартин

Не для красоты:
концепция метафоры по О.М. Фрейденберг
в античности и современности¹

Труды О.М. Фрейденберг сохраняют актуальность не только в связи с новейшими теориями метафоры, но также в качестве эвристического инструмента для изучения архаической греческой поэзии. Почти за полвека до Дж. Лакоффа и его круга ее исследование метафоры предвосхитило появление всеобщего интереса к когнитивной функции метафоры. В отличие от современных когнитивистов Фрейденберг рассматривала метафору (как и любой вид иносказания) диахронически. Она утверждала, что метафорические образы происходят из их собственных мифологических предшественников, в то время как их риторическая (художественная) функция является продолжением более ранней когнитивной функции. Реликты примитивной мысли Фрейденберг считала «культурными переживаниями» коллективных представлений о мире.

Ключевые слова: теория метафоры О.М. Фрейденберг, современные когнитивные исследования, рождение метафоры из мифологического образа.

Мне очень приятно поделиться с вами некоторыми моими мыслями об Ольге Михайловне Фрейденберг, чьи труды приводят меня в восхищение уже много лет, и чьи научные идеи я использовал в своих исследованиях греческой поэзии. В частности, я хотел бы остановиться на том, почему работы Фрейденберг до сих

© Мартин Р.П., 2018

© Брагинская Н.В., Мостовая В.Г., перевод на русский язык, 2018

пор остаются актуальными для современных исследований метафоры и содержат эвристический метод для анализа архаической греческой поэзии. Поскольку для подробного обсуждения лирики наиболее релевантного поэта – я имею в виду Пиндара – времени у меня недостаточно, будет исключительно уместно заметить, что научные работы самой Фрейденберг способны вызывать вдохновенное волнение, они искрометны и исполнены чуть ли не мистическими откровениями, т. е. всем тем, что мы и находим в прекрасных одах античного поэта.

На метафоры надо не обращать внимания, они просто мешают рациональному рассуждению. Таково было общее отношение к метафорам, которое долгое время препятствовало изучению этого тропа. Хотя Фрейденберг не выделяет писавших о метафоре предшественников, с которыми она спорит, очевидно, что ее работа о метафоре во многом обретает силу в энтузиазме освобождения от их пренебрежительного отношения к проблеме метафоры. Среди «врагов поэзии» в этом смысле можно назвать Томаса Гоббса, блистательно защищавшего в «Левиафане» (1651) речь, свободную от метафор, заявляя, что «метафоры и бессмысленные или двусмысленные слова подобны *ignes fatui*» (блуждающие огни – лат.). Несколько позднее в том же столетии Джон Локк в «Опыте о человеческом разумении» (1690) высказал сходные суждения, заметив, что фигуральное использование языка призвано «внушать ложные идеи, порывы страсти и тем самым мешает трезвому суждению». Критики XVII в. опирались только на один тип отношения к метафоре у древних. Испанец Квинтилиан, учитель будущих риториков в Риме I в. н. э., рассуждая вообще о тропах, говорит, что они служат для украшения стиля (*ornandae orationis gratia*) благодаря «переносу слов и выражений из мест, которые им свойственны, на места, в которых они не вполне уместны» (Quintilian Inst. Orat. 9.1.4).

Латинское понимание метафоры основано на потребностях римской риторической практики. В противоположность этому более сложные идеи Аристотеля задают нам наилучшие рамки для понимания мыслей Фрейденберг о метафоре. Как было отмечено многими, слово «метафора», встречающееся впервые в этом значении у Аристотеля и его современников, само по себе является метафорой: оно означает «несение через» или «перенос» (ср. лат. *transferre, translatio*). Однако вместо стилистической оболочки или украшения метафора для Аристотеля является чем-то более глубоким, помещенным в скелете языка, а не кожей, его защищающей. Этот взгляд на метафору гораздо более тонкий, чем представление о риторическом «украшении».

По мнению Поля Рикёра, ошибкой Аристотеля было то, что он помещал метафору на уровне *discourse* (речевых актов и употреблений), а не на уровне отдельного слова; тот факт, что он настаивал на концепции «правильных» значений отдельных слов, и привел к будущим теориям метафоры как украшения². Как бы то ни было, важно также подчеркнуть (вслед за Рикёром) ценность еще одного аспекта в подходе Аристотеля к метафоре – использованию ее как инструмента познания, вспомогательного средства в обучении. Аристотель в «Риторике» говорит: «естественно, что всякому приятно легко [чему-нибудь] научиться, а всякое слово имеет некоторый определенный смысл, поэтому всего приятнее для нас те слова, которые дают нам какое-нибудь знание... Наиболее достигает этой цели метафора» (1410b10-15 = *Rhet.* 3.10.2, пер. Н. Платоновой). В его «Поэтике» содержится полезное дополнение к этому утверждению: «всего важнее – быть искусным в метафорах. Только этого нельзя перенять от другого: это – признак таланта (природного дара – *euphuia*), потому что слагать хорошо метафоры – значит подмечать (*theôgein*) сходство в природе (*physis*)» (1459a5-7, пер. В. Аппельрота). Это умение в дальнейшем было описано в Аристотелевой «Топике» (1.18, 108b7-14): оно полезно для построения определений, для доказательств по индукции, для гипотетической дедукции, короче, для построения любого вида суждений о мире.

После Аристотеля (за исключением Вико в середине XVIII в.) когнитивная ценность метафоры серьезно не рассматривалась. Только к середине XX в. это отношение начало меняться. Лингвисты, философы, психологи и даже экономисты объединили усилия, чтобы осознать пути, с помощью которых метафора фокусирует сознание на определенных сторонах действительности и порождает разделяемые многими представления. Например, Дж. Лакофф, лингвист из Беркли, начиная с 1980-х пытался показать, что метафоры структурируют человеческий опыт посредством густой сети базовых аналогий, которые связывают весьма далекие формы социальной жизни с образами, заимствованными из других, зачастую гораздо более осязаемых областей жизни. Следуя его логике, мы обнаруживаем, что немного найдется такого, чего нельзя определить через метафору: «время – деньги», «жизнь – путешествие», «видеть значит понимать», «бизнес (брак) – игра с нулевой суммой» и т. д. Споры относительно универсальности системы Лакоффа продолжают бурлить (метафора!).

Обратимся теперь к представлениям о метафоре, сформулированным в различных трудах Фрейденберг, особенно в работе «Образ и понятие». Я намереваюсь сопоставить ее взгляд на метафору с идеями в античности, проследив одновременно соотношение ее идей

с современным когнитивным подходом. Всё еще поражающие воображение аспекты в трудах Фрейденберг в этой области заключаются в ее попытках, во-первых, исследовать троп в диахроническом измерении и даже обнаружить время и место «до» метафоры; и, во-вторых, в ее решимости соединить познавательные и риторические функции, точнее – рассмотреть риторическую функцию метафоры, в особенности в архаической греческой литературе, как продолжение более ранней когнитивной функции. Ее работа в этом отношении, как я надеюсь показать, все еще остается уникальной и заслуживает изучения наравне с современными теориями.

Фрейденберг обращается к метафоре в целом ряде работ. Опубликованная посмертно статья «Происхождение греческой лирики» представляет собой наиболее сжатое изложение ее основных идей. Она обращается к фразе из гомеровского стиха, сообщающего нам, что надменная гибрис женихов Пенелопы достигает «железного неба» (τῶν ὕβρις τε βίη τε σιδήρεον οὐρανὸν ἵκει. Od. 15.329). Фрейденберг утверждает, что это не метафорическое выражение, поскольку греками гомеровского времени небо мыслилось действительно сделанным из железа. В ее поддержку говорят комментаторы, предполагающие, что представление о «железных небесах» могло породить знакомство древних с метеоритами. Однако принятие концепции «образа» по Фрейденберг означает, что мы должны согласиться: некогда все предикации предполагали наличие представления: небо является железным. Понятно, что, будучи опутанными паутиной языка, мы только гипотетически можем представить себе существование такого золотого века.

Для нас это может послужить полезным мыслительным экспериментом; в некотором смысле, это обратная сторона Локковского поиска языка без образности и тропов речи, век мифологических представлений, а не науки, но, по крайней мере, прозрачный в своих представлениях без надувательства метафор. В любом случае попытка русского филолога использовать теории первобытного мышления в своем отношении к развитию метафоры вдохновляет и восхищает. Эти идеи заслуживают внимания со стороны исследователей исторической (и доисторической) поэтики в противовес синхронному и риторическому анализу.

В другой статье содержатся интересные наблюдения о «тавтологических сравнениях» в «Илиаде», где то, что сравнивается, и то, с чем оно сравнивается, на наш взгляд, идентичны, а различается лишь их масштаб³. Фрейденберг цитирует пассаж, в котором река практически поглотила Ахилла (Il. 21.257-64), что сравнивается с небольшим оросительным ручьем, который чуть не потопил садовника, очищающего его русло. Иными словами, бушующая

вода сравнивается с бушующей водой. Здесь отсутствует «зазор» между образом и реальностью, и это может быть ключом к более раннему мышлению: происходит не перенос с рода на род и с вида на вид, а отождествление двух явлений. Если мы видим в этом свидетельство мифотворческого мышления, мы можем представить себе древних людей, воспринимающих эти явления вообще не как два отдельных. Этот феномен Фрейденберг соотносит с другим, чрезвычайно продуктивным направлением ее работы – понятием «двойника».

Если наиболее архаичные образы предполагают двоичность, а за каждым образом архаической словесности предполагается присутствие своего рода «тени», то что же является эквивалентом двойничества на уровне мотива и сюжета? Один из ответов Фрейденберг на этот вопрос на материале гомеровского эпоса – друг: Гомер разделяет двучленную пару Ахилл/Патрокл на отдельных персонажей. Это, кстати, хорошая иллюстрация на уровне сюжета того же механизма, который работает на уровне тропа. Иными словами, если угодно: двойник это образец тропа не потому, что поэт сознательно рассуждает в подобных терминах, но потому, что изначально ни метафора, ни сравнение, ни сюжетные двойники не были «тропами» вовсе: в них «верили». Размах отсылок Фрейденберг в этом случае характерным образом распространяется на средневековую литературу и современные народные верования: мотив близнецов, *Doppelgänger* и т. д., о чем она писала в статье «Из догомеровской семантики: 1. 'Друг' – 'Другой' – 'Дружина'», в которой исследовала сложные отношения близнечного мифа, мифа о братьях, неразлучных друзьях, соратниках и ритуальных субститутах царя⁴.

К сожалению, у меня нет времени на исследование всех прочих поразительных связей.

Вместо этого позвольте мне обратиться к наиболее пространному исследованию метафоры у Фрейденберг в работе «Образ и понятие», книге, которую она писала в конце жизни. Для Фрейденберг «природа метафоры служит принципиальным образцом всего античного искусства». Благодаря ее идеям о «двучленном» строении некоторые ученые видят в Фрейденберг предтечу структурализма. В связи с этим чрезвычайно важно тщательно определить, как реализуется, по мнению Фрейденберг, двучленный характер, присущий метафоре.

В описании Фрейденберг можно выделить несколько линий, не все из них сочетаются друг с другом. Во-первых, нужно допустить, что в до-метафорический период доминируют «конкретные» образы. Это не до-логическая фаза. Впечатление, что Фрейденберг, напротив, полагает, что гипотетические собеседники той эпохи не

нуждались в выражении своих мыслей посредством утверждений (предикации) – по крайней мере, это один из способов понять тот акцент, который она делает на неразлагаемой индивидуальности каждого образа. Другими словами – моими, не Фрейденберг – это означает, что нет нужды, например, в понятии «тяжесть», если мы обращаем внимание на каждый камень в отдельности, но не думаем о качестве, которое объединяет все камни. Этот золотой век вместе с тем «мифологичен», что соответствует представлениям о древнем анимизме, которые Фрейденберг могла почерпнуть из работ XIX в.: например, что каждый камень или дерево отличается от других, поскольку у них имеется свой собственный *genius, etc.* Что-то в этом роде она имеет в виду, говоря, что Гибрис «была земледельческим божеством» (отсылка к «Персам» Эсхила, 821–22), и потому на конкретном «образе» реальности основаны стихи поэта: «расцветшая Гибрис родила плодом колос пагубы, поэтому пришлось пожинать всеплавчевную жатву» (пер. О. Фрейденберг); это не столько поэтический образ, порожденный воображением, сколько разработка исходного семантического содержания. Разумеется, не каждая метафора может восходить к персонифицированной божественной сущности.

Переход от этой фазы развития метафоры к следующей одновременно наиболее интригующий и наиболее трудный для точного определения. Надо принять, что «преодоление конкретной образности» – эволюционный процесс, начало которого можно увидеть в Греции и который не завершился вплоть до Римской эпохи. Развитие этого процесса можно увидеть у Гомера: у поэта еще не сформировалось «понятийного» представления о силах природы, таких как вода или огонь, вместо этого мы встречаем Посейдонов и Гефестов. Особенно впечатляет один из ее примеров «образа» из повседневной жизни, который приобретает более абстрактное значение для обозначения общего понятия. Когда Софокл говорит, что его персонаж «ходит кругами», это означает в данном контексте не ходьбу в буквальном смысле, а то, что он «затемняет дело», избегая ответа.

Из этих примеров следует, что Фрейденберг в действительности говорит о семантическом расширении посредством того, что сейчас мы бы назвали «обесцвечиванием» первоначального «конкретного» образа. Мы можем согласиться с ней, что превращение образа в понятие – распространенный феномен в развитии лексикона в любом языке. Был ли исходный образ «мифологическим» – это другой вопрос.

Давайте сравним эти идеи с некоторыми современными представлениями. Споры, разворачивающиеся вокруг того, как «мертвые» метафоры функционируют или не функционируют

в конкретном лексиконе, кажется, свидетельствуют в пользу теории Дж. Лакоффа и его школы. Для этих исследователей метафоры задают структуру мышления, даже если они не осознаны данным говорящим. Это именно то свойство языка, которое поэзия стремится сделать более осознанным и живым.

В поразительной работе «Смерть – мать Красоты», написанной под влиянием и с предисловием Дж. Лакоффа, Марк Тернер попытался определить 10 «базовых моделей для метафорических переносов, обозначающих родство»⁵, которые можно обнаружить в поэзии последних столетий. Ряд «понятий», подразумевающихся в высказывании «X – сын/дочь Y-ка», включает такие отношения, как причина и следствие, сходство, совпадение в пространстве/времени и наследование – или семантически насыщенную смесь этих отношений.

В более пространной своей работе я использовал комбинацию подходов Фрейденберг и М. Тернера для исследования нескольких десятков образов «дочери» в поэзии Пиндара. Приведу лишь один пример: ссылаясь на исцеляющую силу эпиникиев, Пиндар утверждает, что: «Песни, мудрые дочери Муз, заворожили их» (Νεμ. 4.3: αἱ δὲ σοφαὶ Μοῦσάν θύγατρὲς ἀοιδαὶ θέλξαν νιν). По Фрейденберг, в воображении автора «образ» (мифическая генеалогия божественных существ) рождает «понятие» (ассоциация поэзии и Муз изображается как частный случай человеческой родословной). Таким образом, вызывается к жизни новая богатая мифология, которая заставляет нас вспомнить эпическую песнь и ее отношение к Музам и поэтам. В более значительном и обширном исследовании, нежели мое, Б. Маслов анализирует генеалогические метафоры у Пиндара в космогонических терминах, также опираясь на методологию Фрейденберг и ее подходы к мифу и метафоре. Его сопоставительный анализ генеалогических метафор у Гесиода, Пиндара и Платона чрезвычайно убедителен⁶.

Фрейденберг дала нам гораздо больше, чем исследование метафоры как риторического приема. Она извлекла на свет Божий ее функцию как инструмента познания; в своем самом глубоком исследовании метафоры она пробилась к самой основе языка. Она обнаружила именно сосуществование «конкретных» свойств – мы можем называть их «живыми» образами – бок о бок с «мертвыми» метафорами. Вероятно, по ее словам, в архаическом греческом языке (помимо поэтического) пропорционально было больше первого, «живых» образов. Давайте признаем, что, как и в случае с «железным небом», мы стоим перед невозможностью знания того, что каждый отдельный носитель греческого языка в действительности думал или ощущал. Если любой современный американец

или русский выдает совершенно невнятные суждения относительно своего восприятия метафоричности, почему мы предполагаем, что с древними греками дело должно было обстоять иначе?

В заключении хочу еще раз сказать, что Фрейденберг вывела исследование метафоры на новый уровень, перенесла его далеко за пределы мертвой риторической типологии. Но она сделала гораздо больше. Она провела многообещающие параллели, связав метафору с загадкой, экфрасисом и иллюзией подражания, что является до сих пор плодотворным предметом для дальнейших исследований. Жаль, что Фрейденберг не разработала эти темы полнее, поскольку, до некоторой степени, ее исследования в этой области предвосхитили подход Цветана Тодорова к проблеме «жанров дискурса», вдохновленное идеями Бахтина, а также находки фольклористов, изучающих вопросы жанра, таких как Дан Бен-Амос и Ричард Бауман⁷. В широком контексте признание Ольгой Фрейденберг глубин времени, на которых покоится греческая литература, – например, ее утверждение, что ее образность является результатом тысячелетнего до-литературного развития, – свидетельствует о том, что мысль Фрейденберг значительно опередила большинство ее современников не только в России, но и в Европе. Лишь немногие филологи-классики, по крайней мере в течение еще одного поколения, восприняли всерьез мысль о важности коллективного «фольклорного» материала для каждой стадии развития греческой литературы. Ее работа о лирике демонстрирует провидческую дистанцированность от романтической школы, которая пыталась раскрыть эмоционально-нагруженную авторскую биографию за каждым стихотворением. В небольшой работе о происхождении лирики наблюдения Фрейденберг над слиянием фигуры поэта и божества и над культовыми связями певцов с божествами далеко обгоняли ее время. В эту сторону до Грегори Надя и его книги «Лучший среди ахейцев» никто и не смотрел⁸. Возвращаясь к метафоре и оглядываясь назад, мы можем сказать, что величайшим достижением Фрейденберг было ее очень серьезное отношение к метафоре. По мнению Фрейденберг, греки создали иносказание, фигуральную речь, а это, в свою очередь, привело к ускорению культурных процессов, потому что такая речь «открывала собой путь в будущее, в новое мышление, в многоплановость, в связь неожиданных явлений и их взаимный переход, в свободное и универсальное обобщение единичного, не связанное никакими условными зависимостями, в том числе ни протяженностью, ни понятийной дискурсивностью»⁹. Неужели в самом деле можно утверждать, что Фрейденберг была неправа?

Благодарю вас за внимание.

- ¹ Публикуемый перевод доклада, выполненный В.Г. Мостовой и Н.В. Брагинской, представляет собою экстракт большой работы, из которой заимствованы некоторые ссылки на научную литературу: *Martin R.P.* Against Ornament: O.M. Freidenberg's Concept of Metaphor in Ancient and Modern Contexts. Chapter 11 // *Persistent Forms: Explorations in Historical Poetics (Verbal Arts)* / I. Kliger, B. Maslov (eds.). New York: Fordham University Press, 2015 (Series "Verbal Art: Studies in Poetics"). P. 274–313.
- ² *Ricoeur P.* The Rule of Metaphor: Multi-Disciplinary Studies in the Creation of Meaning in Language / R. Czerny, K. McLaughlin, J. Costello (transl.). Toronto: University of Toronto Press, 1977. P. 46.
- ³ *Фрейденберг О.М.* Происхождение эпического сравнения (на материале Илиады) // Труды юбилейной науч. сессии ЛГУ. Секция филол. наук. Л., 1946. С. 101–113.
- ⁴ *Freidenberg O.M.* Pre-Homeric Semantics / N. Perlina (ed.) // *Soviet Studies in Literature. Special Issue on Olga Freidenberg.* 1991. Vol. 27 (3). P. 38–49 (= Из догемеровской семантики: 1. 'Друг' – 'Другой' – 'Дружина' // Академия наук СССР академику Н.Я. Марру. М.; Л., 1935. № XLV. С. 381–392).
- ⁵ *Turner M.* Death is the Mother of Beauty: Mind, Metaphor, Criticism. Chicago: University of Chicago Press, 1987.
- ⁶ *Maslov B.* From (Theogonic) Mythos to (Poetic) Logos: Reading Pindar's Genealogical Metaphors after Freidenberg // *Journal of Ancient Near Eastern Religions.* 2012. Vol. 12. P. 49–77.
- ⁷ *Todorov T.* Genres in Discourse / C. Porter (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 1990; *Ben-Amos D.* Analytical Categories and Ethnic Genres // *Genre.* 1969. Vol. 2. P. 275–301; *Bauman R.* Story, Performance, and Event: Contextual Studies of Oral Narrative. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. (Связи метафоры и экфрасиса посвящена неоконченная работа О.М. Фрейденберг «Происхождение литературного описания», которая должна была быть опубликована в этом номере, но «не поместилась». – *Прим. перев.*)
- ⁸ *Nagy G.* The Best of the Achaeans Concepts of the Hero in Archaic Greek Poetry Revised. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1979.
- ⁹ *Фрейденберг О.М.* Миф и литература древности. М., 1998. С. 261.

Перевод с английского Н.В. Брагинской, В.Г. Мостовой